

ЗАСТЫВШИЙ В ДИНАМИКЕ: МИР БЕЗ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Айриян Радмила Сергеевна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
rsayriyan@sfedu.ru

Аннотация. Одним из самых серьезных вызовов, стоящих перед мировым сообществом, является то, что до сих пор не оформилась новая система международных отношений. Постбиполярный мир, существующий уже более 30 лет, пережил трансформацию от однополярности к многополярности. В статье утверждается, что значительную часть времени постбиполярная система развивалась по инерции и многие черты биполярного мироуклада сохранились и транслировались в международных отношениях, но при этом зарождаются новые черты, нехарактерные для периода Холодной войны (рост влияния региональных держав и негосударственных акторов, ситуативное сотрудничество, и др.). Отмечается, что новый этап в постбиполярном мироустройстве начинается в 2010-е гг. с вхождением Китая в числа великих держав. В статье рассмотрены позиции трех успешных региональных держав (Бразилия, Индия, Турция), через призму их возможностей противостоять великим державам. Автор констатирует, что современный мир одновременно слишком велик, чтобы им управляли одна или несколько сил (страны, коалиции государств), но в то же время слишком мал, благодаря стремительному распространению информации.

Ключевые слова: постбиполярность, новый миропорядок, великие державы, региональные державы, ситуативное сотрудничество, центр-периферия, Китай.

Цитирование: Айриян Р.С. Застывший в динамике: мир без нового миропорядка // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 8–20. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-8-20 / Ayriyan R.S. Stagnation in the Dynamics: A World without a New World Order, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No 3. Pp. 8–20. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-8-20.

© Айриян Р.С., 2021

STAGNATION IN THE DINAMICS: A WORLD WITHOUT A NEW WORLD ORDER

Ayriyan Radmila S.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
rsayriyan@sfnedu.ru

Abstract. One of the greatest challenges facing the global community is that a new system of international relations has not yet taken shape. The post-bipolar world, which has existed for more than 30 years, has undergone a transformation from unipolarity to multipolarity. The article argues that for a significant part of time the post-bipolar system was developed by inertia and many features of the bipolar world order were preserved and transmitted in contemporary international relations. However, at the same time there are new features emerging that are not typical of the Cold War period, for example: the growth of the influence of regional powers and non-state actors, situational cooperation, etc. A new stage in the post-bipolar world order begins in the 2010s with the entry of China into the list of the great powers. The article examines the position of three successful regional powers (Brazil, India, Turkey) through the prism of their capabilities to resist the great powers. The author states that the modern world is at the same time too large to be ruled by one or more forces (countries, coalitions of states), but at the same time, too small, due to the rapid dissemination of information.

Keywords: post-bipolarity, new world order, great powers, regional powers, situational cooperation, center-periphery, China.

МИРОПОРЯДОК ПОСЛЕ КРАХА БИПОЛЯРНОСТИ

Отсутствие четко сформулированных правил поведения государств на международной арене на протяжении уже 30 лет создали ситуацию неуправляемости в международных отношениях. Возврат к артикуляции значимости национального интереса над надгосударственными, стремление ряда государств выйти из любых ограничительных договоров и соглашений в области стратегического вооружения, рост роли региональных держав, нарастающая напряженность в отношениях между великими державами, рост числа угроз и вызовов международной безопасности не способствовали появлению и признанию всеми участниками новой системы международных отношений.

С распадом Советского Союза произошел слом всей системы международных отношений. Ялтинско-Потсдамская система, основывающаяся на противоборстве двух сверхдержав, канула в Лету. Но по прошествию десятилетий мы не можем говорить о том, что сложилась новая система международных отношений, которая учитывала бы изменившиеся реалии.

В XX в. мир трижды был свидетелем рождения новой системы международных отношений. Дважды новая система (Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская) возникала как итог мировой войны и как стремление мирового сообщества не допустить ее повторения. И только лишь современная нам система начала свое формирование с относительно мирного распада предыдущей системы. Да, мир в 1989–1991 гг. не пережил мировой войны, но изменения этих лет дали толчок к рождению нового мирового порядка. Этот «толчок» был менее кровавым, если сравнить с результатами Первой и Второй мировых войн, но избежать военных конфликтов тем не менее не удалось — крах Ялтинско-Потсдамской системы сопровождался военным противостоянием, и во многом эти конфликты до сих пор не завершены (Косово, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). Еще в 1990 г. американский политолог Джон Миршаймер отмечал, что крах биполярного миропорядка приведет к хаосу в международных отношениях, подобного тому, что был в начале XX в.: «Мы скоро будем скучать по Холодной войне» [Mearsheimer, 1990]. Однако во многом он ошибся — нестабильная многополярность после окончания Холодной войны не сложилась, а международное сообщество столкнулось с примером однополярного миропорядка. В американской историографии стали появляться работы концептуализирующие Pax Americana [Muravchik, 1991] или Американскую гегемонию [Layne, Benjamin, 1993]. При отсутствии явной угрозы со стороны какой-либо державы в начале 1990-х гг. ожидалось, что Соединенные Штаты начнут сворачивание своего военного присутствия в мире. Однако этого не произошло. Американский историк внешней политики США Хэл Брэндс оправдывает поведение администрации Соединенных Штатов, отмечая, что «Сохранение военного присутствия и союзов США в Европе и Восточной Азии помогло, например, снизить потенциальную нестабильность и удержать исторические державы, такие как Япония и Германия, прочно привязанными к Западу» [Brands, 2018]. Но этот тезис не является бесспорным.

С окончанием Холодной войны, например, сложилась уникальная возможность передать ООН заботу о сохранении и поддержании международной безопасности, как это и прописано в Уставе данной организации с 1945 г. Однако Соединенные Штаты не пошли на это, стремясь сохранить и упрочить свое влияние в мире, не допустив появления лидера, способного оспорить их доминирование. Документ «Рекомендации по оборонному планированию», обосновывающий место и роль Соединенных Штатов в мире, был подготовлен в 1992 г. В нем четко было прописано, что США могут действовать независимо, если это необходимо, но в некоторых случаях будут поощрять ООН и региональные организации брать на себя ответственность [Defence Planning..., 1992, p. 7].

Постбиполярную систему от ее предшественниц отличает и то, что при «формировании» не были заключены международно-правовые договоры и устные соглашения по регуляции. Значительную часть времени постбиполярная система развивалась как результат «движения по инерции» предшествующего исторического периода. Даже обратившись к поведению оставшейся сверхдержавы, мы наблюдаем лишь адаптацию американского внешнеполитического курса после окончания Холодной войны, но никак не разработку нового курса. Вместо поддержания баланса сил и не допущения усиления СССР, мы видим стремление к сохранению своего господства и подавление любой угрозы. Призыв к демократизации и демонстрация преимуществ западного образа жизни, которое в эпоху Холодной войны транслировались на Советский Союз и социалистический мир, теперь же транслируются на исламский мир. И, наконец, курс на усиление американского военно-политического присутствия в разных регионах мира, заложенный в период Холодной войны созданием нескольких военно-политических блоков и заключением военных договоров (НАТО, СЕАТО, АНЗЮС, Пакт Рио-де-Жанейро (1947 г.), американо-южнокорейский договор (1953 г.), американо-японский договор (1960 г.) и др.), продолжился и в постбиполярную эпоху. Достаточно вспомнить Четырехсторонний диалог по безопасности или QUAD (2007 г.), а также трехсторонний оборонный альянс AUKUS (2021 г.). Оба альянса создавались при активном участии США с целью сдерживания китайской экспансии в Индо-Тихоокеанском регионе. В этих соглашениях говорится о союзе демократических государств, однако AUKUS идет дальше, чем QUAD. Во-первых, подчеркивается союз «морских демократий» [Joint Leaders Statement, 2021], а, во-вторых, это союз морских демократий англо-саксонского мира. И если в 1946 г. англосаксонский мир объединялся против Советского Союза, то данное объединение 2021 г. направлено уже против Китая.

Таким образом, можно заключить, не вдаваясь в долгие рассуждения, что внешнеполитический курс США в постбиполярную эпоху строится на фундаменте концепций и подходов периода Холодной войны. Однако это ни в коей мере не исключает появление новых инициатив, таких как – гуманитарная интервенция (Сомали в 1992–1993 гг. или Босния в 1995 г., Ливия в 2011 г.), превентивная война (Афганистан в 2001 г., Ирак в 2003 г.) и пр.

И МИР СЛОВНО ЗАСТЫЛ В СВОЕЙ ДИНАМИКЕ

Изменения есть, и они всегда происходят, появляется что-то новое в международных отношениях, не характерное для других периодов (например, наблюдается рост влияния региональных держав и негосударственных акторов [Buzan, 2004; Destrady, 2010; Lake, 2009], ситуативное сотрудничество становится «новой нормальностью» [«Новая нормальность»..., 2021], развитие «центр-периферийных» отношений [Cores..., 2011; Валлерстайн, 2006; Миньяр-Белоручев, 2019]), но новая система международных отношений, признанная всеми участниками мирового процесса, так и не была создана.

В научной и публицистической литературе мы видим множество определений тому, что сложилось на руинах биполярного мира – однополярный (однополюсный) мир, «плюралистическая однополярность»¹, многополярный (многополюсный, полицентричный) мир, «неполярный» мир². Но каждое из этих определений, используемые политиками или исследователями на современном этапе, фактически ставит их перед выбором «стороны» – либо признается ведущая роль Соединенных Штатов, либо признается равноправие ряда стран на мировой арене. Кроме того, для некоторых исследователей, к которым мы относим и себя, подобный выбор неприемлем, так как пост-Ялтинский мир прошел несколько этапов в своем развитии – от однополярности к многополярности. Вследствие этого использование данных определений для анализа эволюции международных отношений в предшествующие три десятилетия видится нам малопродуктивным. Со временем наметилась и политизация данного вопроса – Соединенные Штаты считали и во многом продолжают считать, что мир однополярен [Davidson, 2020], в то время как европейские союзники США склонны видеть в современном мире черты многополярности, но при доминировании Запада. Збигнев Бжезинский в 1997 г. спрогнозировал, что Соединенным Штатам быть мировым гегемоном не более 30 лет. Он отметил, что в этот период «вряд ли кто будет оспаривать статус Америки как первой державы мира» [Бжезинский, 2014, с. 230]. Россия и Китай в 1997 г. констатировали, что «ускоренно развивается позитивная тенденция формирования многополярного мира...», а в 2005 г. подтвердили свою приверженность «формированию многополюсного мира и нового международного порядка» [Совместная декларация..., 2005].

Итогом становится то, что в научной литературе возобладал другой подход (он развивался параллельно указанным выше подходам), в основе которого была заложена не характеристика выявления лидера / лидеров, а непосредственно сущностная характеристика самой системы международных отношений. Неопределенность новой системы международных отношений привела к появлению нескольких

---

¹ Концепт предложен был А.Д. Богатуровым, предлагавшим под «полюсом» рассматривать не столько США, сколько Запад, объединенный военно-политической организацией НАТО и неформальным клубом ведущих стран мира «G7». Подр. см.: [Богатуров, 1996].

² Концепт предложен Ричардом Хаасом в 2008 г., полагавшим, что в мире доминирует не 1–5 государств, а десятки государств и негосударственных акторов, обладающих различными видами властных полномочий. Подр. см.: [Haass, 2008].

концептов – постбиполярный мир и пост-Ялтинский мир (прижились и активно используются в анализе мировых процессов), Мальто-Мадридская система и Брюссельско-Вашингтонский порядок (не получили широкого распространения). Отметим, что автор последних концептов А.Д. Богатуров выступает против употребления словосочетания «постбиполярный мир» применительно к событиям XXI в.: «“Постбиполярный” мир с его надеждами, тревогами и неопределенностью остался в 1990-х гг. Новый век мировая система встретила структурированной по-новому. ... Новый порядок был “отцентрирован” под интересы Вашингтона...» [Богатуров, 2006, с. 6]. Однако, как нам представляется, «постбиполярный мир» и «однополярный мир» (или мир «плюралистической однополярности») понятия не тождественные. Постбиполярный мир рассматривается нами как определение некоего исторического отрезка, в ходе которого после краха Ялтинско-Потсдамской системы не была сформирована новая система международных отношений. Кроме того, мы полагаем, что в этот временной отрезок международные отношения эволюционировали от однополярности первой половины 1990-х гг. до многополярности в XXI в.

Современный нам мир, естественно, имеет значительное число черт мира биполярного и эти характеристики, доставшиеся нам в наследство, в определенной степени удерживали человечество в конце XX в. в иллюзии возможности регулирования мировых процессов. Но действительность показала, что мир все больше и больше неуправляем. А «переизбыток» информации еще сильнее погружает международные отношения в пучину хаоса и беспорядка. Организация Объединенных Наций, система «ядерного сдерживания», международное право сегодня уже не являются сдерживающими факторами для государств и негосударственных акторов в вопросе применения силы или угрозы применения силы.

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Постбиполярный мир по инерции в центр международных отношений помещал взаимодействие между США – Европой – Россией. В целом это было оправдано в период Холодной войны, когда Европа, с одной стороны, выступала буферной зоной между двумя сверхдержавами, а, с другой стороны, являлась одновременно и полем битвы, и трофеем для победителя.

Вышеназванный подход отчасти справедлив и для того этапа постбиполярного мира, который характеризуется отсутствием каких-либо глобальных инициатив со стороны Китая, т.е. до 2006 г., когда Ху Цзиньтао публично озвучил основные постулаты доктрины «мирного возвышения» в стенах ООН. К этому времени у китайского руководства уже сложилось определенное недоверие к действиям США на международной арене вне рамок Восточной Азии (тут еще сохранялась проблема Тайваня). По меткому выражению Генри Киссинджера «Китай оставался несогласным сторонним наблюдателем стремления Америки распространить свое присутствие в мусульманском мире, а более всего объявления администрацией

Буша честолюбивых планов демократических преобразований» [Киссинджер, 2017, с. 526]. В 2007 г. итальянский исследователь международных отношений Карло Пеланда отметил, что мир в пост-постбиполярность откатится к биполярной структуре, при которой противостоять друг другу будут страны, придерживающиеся концепции либо авторитарического (Китай), либо демократического (США) капитализма [Pelanda, 2007]. Победа сторонников демократического капитализма возможна, по его мнению, но при условии союза США – Европы – России, что в современных условиях маловероятно.

Но уже в 2013 г. Китай предлагает мировому сообществу глобальный проект – инициативу «Один пояс–один путь», на следующий год по предложению Китая создается Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, и эти инициативы сопровождаются в 2010-е гг. строительством искусственных островов и усилением военного присутствия КНР на островах в Южно-Китайском море.

Таким образом с 2010-х гг. мы можем говорить, что в центр международных отношений наряду с США-Европой-Россией перемещается и Китай. С этого периода, на наш взгляд, развивается новый этап постбиполярного мира. Китай, оказавшийся в 1971 г. в составе постоянных членов СБ ООН, только в нашу современность становится поистине великой геополитической и геоэкономической державой.

ВОСХОЖДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

В наследство нам досталось от биполярного мира также представление об иерархизированной системе принятия решений в международных делах. На глобальном уровне – это исключительно прерогатива великих держав, на региональном уровне – великих держав и региональных игроков (но при согласовании позиций с великой державой), на локальном уровне – не выводящую даже потенциально проблему на региональный уровень – сфера действия региональных игроков.

Сегодня же мы видим, что региональные державы не готовы мириться с положением, которое им отводится. И если для Ирана это стало характерно в конце 1970-х гг. на волне Исламской революции, хотя данное поведение скорее было исключением из правила, то уже в постбиполярную эпоху мы можем говорить об особой роли региональных держав. И самое главное – об их самоощущении, что они могут и должны взять на себя бремя лидерства и ответственности за судьбу региона и сопредельных контактных зон, границы которых – географические и/или ментальные – зачастую определяются ими самими.

По всей видимости, новый импульс к развитию системы международных отношений дадут именно региональные державы. Геополитические амбиции и накопленный потенциал (политическое и экономическое влияние в регионе и в контактных зонах, существенно возросшие военные возможности и исторически заданный курс на лидерство) не позволят им остаться в стороне в ситуации глобальной

неопределенности. Кроме того, как верно подметили Барри Бузан и Оле Уэвер, большинство глобальных проблем человечества имеют региональную природу.

Триаду наиболее успешно и динамично развивающихся региональных держав составляют Турция, Индия и Бразилия. Однако только одна из них наиболее близко приблизилась к тому, чтобы стать фактором изменяющихся международных отношений, и вынуждающая мировые державы идти на компромиссы.

Так, для Бразилии сдерживающим фактором остаются США, очевидный гегемон в Западном полушарии. Причем Бразилия уступает Соединенным Штатам по всем направлениям — политическое влияние, экономическая роль, военная мощь. Несмотря на то, что с крахом биполярности великие державы перестали пристально следить за событиями в регионах мира, это не справедливо для Латинской Америки. Отвлечься от дел Западного полушария США не могли из-за того, что здесь оставались страны, чей режим очень не устраивал американцев — как минимум, мы можем вспомнить о Кубе и Никарагуа. А в конце XX—начале XXI в., с началом «левого поворота», беспокойство у США вызывают уже Венесуэла, Эквадор, Боливия, Колумбия, Аргентина, Чили, Перу и Бразилия. Таким образом, единственная возможность Бразилии заявить о себе в мировом масштабе — это углублять процессы интеграции латиноамериканских стран. Опираясь на успехи интеграции, Бразилия сможет говорить «голосом» Латинской Америки и сдерживать давление Соединенных Штатов.

У Индии ситуация несколько сложнее, чем у Бразилии, так как она испытывает давление со стороны двух ядерных держав, к тому же являющихся ее непосредственными соседями. Имея серьезные политические, религиозные и территориальные противоречия с Китаем и Пакистаном, Индии трудно рассчитывать на спокойное поступательное развитие. Индийские геополитические амбиции купируются пакистано-китайским военно-политическим и экономическим сотрудничеством. Таким образом, единственный шанс Индии заявить о себе — это игра на балансе интересов. С одной стороны, Индия должна идти по пути развития и углубления экономических связей с Китаем. Быстро растущая экономика Китая нуждается в новых рынках, и есть большая вероятность, что китайская прагматика возьмет вверх над политическими спорами. Взаимозависимость стран и экономическая нецелесообразность индо-китайской войны сделает ее маловероятной, принимая во внимание и ядерный статус государств. С другой стороны, Индии необходимо продолжать и углублять сотрудничество по военно-политической и экономической линии с Российской Федерацией (факт данного сотрудничества не вызывает раздражения у КНР из-за давних исторических связей между Индией и Россией). И, наконец, в-третьих, Индии необходимо тесное сотрудничество со странами Южной и Юго-Восточной Азии. А так же, как в случае с Бразилией, необходимо опереться на успехи интеграции в этой части мира.

Турция же пребывает в наиболее выгодном положении, не испытывая непосредственного давления со стороны какой-либо великой державы, а, наоборот, на современном этапе активно играет на российско-американских противоречиях в

регионе Ближнего Востока. Вследствие этого в период президентства Р. Эрдогана в период с 2015 г. и по сей день Турция осуществляет «разведку боем» по четырем направлениям своей внешней политики.

На юго-западном направлении Турцией осуществляется демонстрация военно-морских сил у берегов Кипра, предоставление экономической помощи правительству непризнанного Северного Кипра. Данный демарш в первую очередь направлен на Грецию и Францию, поскольку обе страны входят в Европейский союз, куда Турцию не приглашают уже не первое десятилетие.

На южном направлении Турция осуществила военную интервенцию в Ирак (2015 г.) и Сирию (2019 г.) с целью поставить под контроль приграничные территории, изгнать с них курдское население и тем самым разорвать коммуникации, соединяющие турецких курдов с их собратьями из Ирака и Сирии. Эти действия Турции, особенно в Сирии, вызвали недовольство как европейских государств, так и двух великих держав — США и России. Германия и Франция заявили о прекращении поставок вооружений турецкой стороне [Bundesregierung..., 2019; Франция приостанавливает..., 2019]. Соединенные Штаты отказались содействовать Турции, а президент Трамп, вынужденный вывести войска из сирийского Курдистана, пообещал «полностью уничтожить и стереть с лица земли экономику Турции» [Трамп заявил..., 2019]. Российскую Федерацию не устраивало, что турецкие войска находятся на территории Сирии без согласования вопроса с правительством Башара Асада.

На восточном направлении Турция в 2020 г. во время Второй Карабахской войны впервые заявила о своих геополитических притязаниях на регион, ранее признававшийся российской сферой влияния и зоной ответственности России [Турция заявила о готовности..., 2020]. Во всяком случае, в более ранние периоды (например, война 1991–1994 гг. или «Апрельская» война 2016 г.) такой активности в Закавказье Турция не предпринимала.

На северном направлении традиционно с 2014 г. Турция не признает Крым частью Российской Федерации, выступает приверженцем принципа территориальной целостности государств применительно к Азербайджану и Украине, но при этом о территориальной целостности Кипра не говорится. Политика двойных стандартов становится характерной чертой не только для дипломатии великих держав, но также и региональных держав.

Таким образом, в случае с Турцией мы наблюдаем поведение региональной державы, свободной от необходимости проведения консультаций с великими державами. Однако очевидно стремление турецкой стороны не вынуждать великие державы действовать решительно. Там, где это возможно и не ущемляет национальных интересов, Турция готова идти на ситуативное сотрудничество. Примером можно назвать подписание 22 октября 2019 г. Сочинского меморандума о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [Меморандум о взаимопонимании..., 2019].

Под давлением внешних и внутренних обстоятельств великие державы будут вынуждены выбирать ситуативное сотрудничество и создавать временные альянсы как между собой, так и с участием региональных держав. И само ситуативное сотрудничество с региональными игроками превращается в инструмент регулирования тех региональных процессов, которыми самостоятельно великие державы управлять не могут.

Современный глобализирующийся мир одновременно слишком велик и сложен, чтобы им управляли одна или несколько сил (страны, коалиции государств, блоки), но в то же время слишком мал, благодаря стремительному распространению информации. События, происходящие в далекой периферии мира, сегодня становятся достоянием общественности в считанные минуты. Политики, дипломаты и военные зачастую получают информацию с экранов телевизора или смартфонов. И именно это делает периферию международных отношений центром внимания всего мирового сообщества. При стечении определенных обстоятельств страны периферии международных отношений могут оказаться в состоянии движения в сторону центра. Наглядный тому пример — ситуация с КНР, начавшая движение в 1970-х гг. и завершившая в 2010-х гг. Следующими на очереди окажутся региональные державы, способные если не бросить вызов великой державе, то противостоять ее давлению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014. 702 с.
- Богатуров А.Д.* Лидерство и децентрализация в международной система // *Международные процессы*. 2006. № 3. С. 5–15.
- Богатуров А.Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // *Свободная мысль*. 1996. № 2. С. 25–36.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
- Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2017. 640 с.
- Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой от 22 октября 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения — 11 июня 2021 г.).
- Миньяр-Белоручев К.В.* Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимоотношения // *Новая и новейшая история*. 2019. № 6. С. 5–18.
- «Новая нормальность» и международные отношения: теории, инструменты, практики. Под ред. О.С. Карнауховой. М.: Аквилон, 2021. 470 с.

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 30 июня 2005 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660> (дата обращения – 12 июня 2021 г.).

Трамп заявил о способности «стереть с лица земли» экономику Турции. URL: <https://russian.rt.com/world/news/675012-tramp-turciya-ekonomika> (дата обращения – 7 июня 2021 г.).

Турция заявила о готовности оказать Азербайджану военную помощь. URL: <https://ria.ru/20200930/pomosch-1577987588.html> (дата обращения 7 – июня 2021 г.).

Франция приостанавливает экспорт вооружений в Турцию. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6993598> (дата обращения – 7 июня 2021 г.).

Brands H. American grand strategy in the post-Cold War era // *New Directions in Strategic Thinking 2.0*. Canberra: ANU Press, 2018. Pp. 133–148. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv47wfp.17> (дата обращения – 10 июня 2021 г.).

Bundesregierung stoppt Waffenexporte an Türkei. 2019. URL: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/wegen-einmarsch-nach-syrien-bundesregierung-stoppt-einige-waffenexporte-an-tuerke-65304212.bild.html> (дата обращения – 7 июня 2021 г.).

Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 596 p.

Cores, Peripheries, and Globalization. Ed. by Peter Hanns Reill and Balazs A. Szelenyi. Budapest: Central European University Press, 2011. Pp. 233–254.

Davidson J. W. Unipolarity and security partnerships, 1990–2019 // *America's Entangling Alliances: 1778 to the Present*. Washington: Georgetown University Press, 2020. Pp. 139–189.

Defense Planning: Guidance FY 1994–1999. April 16, 1992. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения – 12 июня 2021 г.).

Destry S. Regional powers and their strategies: empire, hegemony, and leadership // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. Iss. 4. Pp. 903–930.

Joint Leaders Statement on AUKUS. September 15, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 17 September 2021).

Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow US Dominance? // *Foreign Affairs*. 2008. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity> (дата обращения – 10 июня 2021 г.).

Lake D. Regional hierarchy: Authority and local international order // *Review of International Studies*. 2009. № 35 (S1). Pp. 35–58.

Layne C., Benjamin S. American hegemony: without an enemy // *Foreign Policy*. 1993. № 92. Pp. 5–23.

Mearsheimer J. Why we will soon miss the Cold War // *Atlantic Monthly*. 1990. № 2. Pp. 35–50.

Muravchik J. At last, Pax Americana // *The New York Times*. January 24, 1991. URL: <http://www.nytimes.com/1991/01/24/opinion/at-last-pax-americana.html> (дата обращения – 10 июня 2021 г.).

Pelanda C. *The grand alliance. The global integration of democracies*. Milan: Franco Angeli, 2007. 192 p.

REFERENCES

- Brzezinski Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow: AST Publ., 2014. 702 p. (in Russian).
- Bogaturov A.D. Liderstvo i detsentralizatsiya v mezhdunarodnoy Sistema [Leadership and Decentralization in the International System], in *Mezhdunarodnyye protsessy*. 2006. No 3. Pp. 5–15 (in Russian).
- Bogaturov A.D. Plyuralisticheskaya odnopolyarnost' i interesy Rossii [Pluralistic unipolarity and the interests of Russia], in *Svobodnaya mysl'*. 1996. No 2. Pp. 25–36 (in Russian).
- Wallerstein I. *Mirosistemnyy analiz. Vvedeniye* [Mirosystem Analysis. Introduction]. Moscow: "Territory of the future" Publ., 2006. 248 p. (in Russian).
- Kissinger H. *O Kitaye* [On China]. Moscow: AST Publ., 2017. 640 p. (in Russian).
- Memorandum o vzaimoponimanii mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Turetskoy Respublikoy ot 22 oktyabrya 2019 g.* [Memorandum of Understanding between the Russian Federation and the Republic of Turkey dated October 22, 2019]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения – 11 июня 2021 г.).
- Minyar-Beloruichev K.V. Yadro i periferiya sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy: kharakter vzaimootnosheniya [The core and periphery of the system of international relations: the nature of the relationship], in *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2019. No 6. Pp. 5–18 (in Russian).
- "Novaya normal'nost'" i mezhdunarodnyye otnosheniya: teorii, instrumenty, praktiki ["New Normal" and International Relations: theories, instruments, and practicies]. Ed. by O.S. Karnaukhova. Moscow: Aquilo-Press. 2021. 470 p. (in Russian).
- Sovmestnaya deklaratsiya Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o mezhdunarodnom poryadke v XXI veke. 30 iyunya 2005 g.* [Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Order in the 21st Century. June 30, 2005]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660> (дата обращения – 12 июня 2021 г.).
- Tramp zayavil o sposobnosti "steret' s litsa zemli" ekonomiku Turtsii* [Trump said about the ability to "wipe out" the economy of Turkey]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/675012-tramp-turciya-ekonomika> (дата обращения – 7 июня 2021 г.).
- Turtsiya zayavila o gotovnosti okazat' Azerbaydzhanu voyennuyu pomoshch* [Turkey announced its readiness to provide military assistance to Azerbaijan]. URL: <https://ria.ru/20200930/pomosch-1577987588.html> (дата обращения – 7 июня 2021 г.).

Frantsiya priostanavlivayet eksport vooruzheniy v Turtsiyu [France suspends arms exports to Turkey]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6993598> (дата обращения – 17 июня 2021 г.).

Brands H. American grand strategy in the post-Cold War era, in *New Directions in Strategic Thinking 2.0*. Canberra: ANU Press, 2018. Pp. 133–148. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv47wfp.17> (дата обращения – 10 июня 2021 г.).

Bundesregierung stoppt Waffenexporte an Türkei. 2019. URL: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/wegen-einmarsch-nach-syrien-bundesregierung-stoppt-einige-waffen-exporte-an-tuerkei-65304212.bild.html> (дата обращения – 7 июня 2021 г.).

Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 596 p.

Cores, Peripheries, and Globalization. Ed. by Peter Hanns Reill and Balazs A. Szelenyi. Budapest: Central European University Press, 2011. Pp. 233–254.

Davidson J. W. Unipolarity and security partnerships, 1990–2019, in *America's Entangling Alliances: 1778 to the Present*. Washington: Georgetown University Press, 2020. Pp. 139–189.

Defense Planning: Guidance FY 1994–1999. April 16, 1992. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения – 12 июня 2021 г.).

Destry S. Regional powers and their strategies: empire, hegemony, and leadership, in *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. Iss. 4. Pp. 903–930.

Joint Leaders Statement on AUKUS. September 15, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 17 September 2021).

Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow US Dominance?, in *Foreign Affairs*. 2008. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity> (дата обращения – 10 июня 2021 г.).

Lake D. Regional hierarchy: Authority and local international order // *Review of International Studies*. 2009. No 35 (S1). Pp. 35–58.

Layne C., Benjamin S. American hegemony: without an enemy, in *Foreign Policy*. 1993. No 92. Pp. 5–23.

Mearsheimer J. Why we will soon miss the Cold War, in *Atlantic Monthly*. 1990. No 2. Pp. 35–50.

Muravchik J. At last, Pax Americana, in *The New York Times*. January 24, 1991. URL: <http://www.nytimes.com/1991/01/24/opinion/at-last-pax-americana.html> (дата обращения – 10 июня 2021 г.).

Pelanda C. *The grand alliance. The global integration of democracies*. Milan: Franco Angeli, 2007. 192 p.

Статья принята к публикации 30.06.2021